

- [Гилберт Кит Честертон](#)
 - [ИМЯ НЭДУЭВ](#)
 - [ВЗЛОМЩИК И ФЕРМУАР](#)
 - [УДИВИТЕЛЬНОЕ ОБРАЩЕНИЕ](#)
 - [СОМНЕНИЯ СЫЩИКА ПРАЙСА](#)
 - [ВОР ПЕРЕД СУДОМ](#)
 - [ИМЯ ОЧИЩЕНО](#)
 - [Примечания](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Гилберт Кит Честертон
Восторженный вор

ИМЯ НЭДУЭВ

Нэдуэев знали все; можно сказать, что это имя было овеяно славой. Альфред Великий запасся их изделиями, когда бродил по лесам и мечтал об изгнании данов, — во всяком случае, такой вывод напрашивался, когда мы смотрели на плакат, где ослепительно яркий король предлагает бисквиты Нэдуэя взамен горелых лепешек. Это имя гремело трубным гласом Шекспиру — во всяком случае, так сообщала нам реклама, на которой великий драматург приветствовал восторженной улыбкой великие бисквиты. Нельсон в разгар битвы видел его на небе — судя по тем огромным, таким привычным рекламам, изображающим Трафальгарский бой, к которым как нельзя лучше подходят возвышенные строки: «О Нельсон и Нэдуэй, вы дали славу нам!» Привыкли мы и к другой рекламе, на которой моряк строчит из пулемета, осыпая прохожих градом нэдуэевских изделий и преувеличивая тем самым их смертоносную силу. Те, кому посчастливилось вкушать бисквитов, не совсем понимали, что же отличает их от менее прославленных печений. Многие подозревали, что разница — в плакатах, окруживших имя Нэдуэев пылающей пышностью геральдики и красотой праздничных шествий.

Всем этим цветением красок и звуков заправлял невзрачный, хмурый человек в очках, с козлиной бородкой, выходивший из дому только в контору и в кирпичную молельню баптистов. Мистер Джекоб Нэдуэй (позже, конечно, сэр Джекоб Нэдуэй, а еще позже — лорд Нормандэйл) основал фирму и наводнил мир бисквитами. Он жил очень просто, хотя мог позволить себе любую роскошь. Он мог нанять секретаршей высокородную Миллисент Мильтон, дочь разорившихся аристократов, с которыми был когда-то слегка знаком. С тех пор они поменялись местами, и теперь мистер Нэдуэй мог позволить себе роскошь и помочь осиротевшей Миллисент. К сожалению, Миллисент не позволила себе отказаться от его помощи.

Однако она нередко мечтала об этой роскоши. Нельзя сказать, чтобы старый Нэдуэй плохо обращался с ней или мало платил. Благочестивый радикал был не так прост. Он прекрасно понимал всю сложность отношений между разбогатевшим плебеем и обедневшей патрицианкой. Миллисент знала Нэдуэев до того, как пошла к ним в услужение, и с ней приходилось держаться как с другом, хотя вряд ли она, будь ее воля, выбрала бы в друзья именно эту семью. Тем не менее она нашла в ней друзей, а одно время думала даже, что нашла друга.

У Нэдуэя было два сына. Он отдал их в частную школу, потом — в университет, и они, как теперь полагается, безболезненно превратились в джентльменов. Надо сказать, джентльмены из них вышли разные. Характерно, что старшего звали Джоном, — он родился в ту пору, когда отец еще любил простые имена из Писания. Младший, Норман, выражал тягу к изысканности, а может, и предчувствие титула Нормандэйл. Миллисент еще застала то счастливое время, когда Джона звали Джеком. Он долго был настоящим мальчишкой, играл в крикет и лазил по деревьям ловко, как зверек, веселящийся на солнце. Его можно было назвать привлекательным, и он ее привлекал. Но всякий раз, когда он приезжал на каникулы, а позже — отдохнуть от дел, она чувствовала, как вянет в нем что-то, а что-то другое крепнет. Он претерпевал ту таинственную эволюцию, в ходе которой мальчишки становятся дельцами. И Миллисент думала невольно, что в школах и в университетах что-то не так, а может быть, что-то не так в нашей жизни. Казалось, вырастая, Джон становился все меньше.

Норман вошел в силу как раз тогда, когда Джон окончательно поблек. Младший брат был из тех, кто расцветает поздно, — если сравнение с цветком применимо к человеку, который с ранних лет больше всего походил на незрелую репу. Он был большеголовым, лопоухим, бледным, с бессмысленным взглядом, и довольно долго его считали дураком. Но в школе он много занимался математикой, а в Кембридже — экономикой. Отсюда оставался один прыжок до социологии, которая, в свою очередь, привела к семейному скандалу.

Прежде всего Норман подвел подкоп под кирпичную молельню, сообщив, что хочет стать англиканским священником. Но отца еще больше потрясли слухи о том, что сын читает курс политической экономии. Экономические взгляды Нэдуэя-младшего так сильно отличались от тех, которыми руководствовался Нэдуэй-старший, что в историческом скандале за завтраком последний обозвал их социализмом.

— Надо поехать в Кембридж и урезонить его! — говорил мистер Нэдуэй, ерзая в кресле и барабаня пальцами по столу. — Поговори с ним, Джон. Или привези, я сам поговорю. А то все дело рухнет.

Пришлось сделать и то, и другое. Джон — младший компаньон фирмы «Нэдуэй и сын» — поговорил с братом, но не урезонил его. Тогда он привез его к отцу, и тот охотно с ним побеседовал, но своего не добился. Разговор вышел очень странный.

Происходил он в кабинете, из которого сквозь окна-фонари виднелись холеные газоны. Дом был очень викторианский; про такие дома в эпоху

королевы говорили, что их строят мещане для мещан. Его украшали навесы, шпили, купола, и над каждым входом висело что-то вроде резного фестончатого зонтика. Его украшали, наконец, уродливые витражи и не очень уродливые, хотя и замысловато подстриженные, деревья в кадках. Короче говоря, это был удобный дом, который сочли бы крайне пошлым эстеты прошлого века. Мэтью Арнольд, проходя мимо, вздохнул бы с грустью. Джон Рескин умчался бы в ужасе и призвал на него громы небесные с соседнего холма. Даже Уильям Моррис поворчал бы на ходу насчет ненужных украшений. Но я совсем не так уж уверен в негодовании Сэшеверола Ситуэлла. Мы дожили до времен, когда фонарики и навесы пропитались сонным очарованием прошлого. И я не могу поручиться, что Ситуэлл не стал бы бродить по комнатам, слагая стихи об их пыльной прелести, на удивленье старому Нэдуэю. Быть может, после их беседы он написал бы и о Нэдуэе? Не скажу — не знаю.

Миллисент вошла из сада в кабинет почти одновременно с Джоном. Она была высокой и светловолосой, а небольшой торчащий подбородок придавал значительность ее красивому лицу. На первый взгляд она казалась сонной, на второй — надменной, а в действительности она просто примирилась с обстоятельствами. Миллисент села к своему столу, чтобы приняться за работу, и вскоре поднялась: семейный разговор становился слишком семейным. Но старый Нэдуэй раздраженно-ласково помахал рукой, и она осталась.

Старик начал резко, с места в карьер, словно только что рассердился:

— Я думал, вы уже беседовали.

— Да, отец, — отвечал Джон, глядя на ковер. — Мы поговорили.

— Надеюсь, ты дал понять, — сказал отец немного мягче, — что просто ни к чему так мудрить, пока мы правим фирмой. Мое дело провалится через месяц, если я пойду на это идиотское «участие рабочих в прибылях». Ну разумно ли это? Разве Джон тебе не объяснил, как это неразумно?

Ко всеобщему удивлению, длинное, бледное лицо дернулось в усмешке, и Норман сказал:

— Да, Джек мне объяснил, и я объяснил ему кое-что. Я объяснил, например, что у меня тоже есть дело.

— А отца у тебя нет? — поинтересовался Джекоб.

— Я выполняю дело Отца, — резко сказал священник.

Все помолчали.

— Вот что, — хмуро выговорил Джон, изучая узор ковра, — так у нас ничего не выйдет. Я ему говорил все, что вы сами сказали бы. Но он не

соглашается.

Старый Нэдуэй дернул шеей, словно проглотил кусок, потом сказал.

— Вы что ж, оба против меня? И против нашей фирмы?

— Я за фирму, в том-то и суть, — сказал Джон. — Все же мне за нее отвечать... когда-нибудь, конечно. Только я не собираюсь отвечать за старые методы.

— Тебе как будто нравились деньги, которые я нажил этими методами, — грубо и зло сказал отец. — А теперь, видите ли, они мне подсовывают какой-то слюнявый социализм!

— Отец! — сказал Джон, удивленно и мирно глядя на него. — Разве я похож на социалиста?

Миллисент окинула его взглядом от сверкающих ботинок до сверкающих волос и чуть не засмеялась.

И тут прозвенел дрожащий, почти страстный голос Нормана:

— Мы должны очистить имя Нэдуэев!

— Вы смеете мне говорить, что мое имя в грязи? — крикнул отец.

— По нынешним стандартам — да, — ответил Джон, помолчав.

Старый делец молча сел и повернулся к секретарше.

— Сегодня работать не будем, — сказал он. — Вы лучше погуляйте.

Она не очень охотно встала и пошла в сад. Из-за деревьев вошла огромная, яркая луна, бледное небо стало темным, и черные тени упали на серо-зеленую траву. Миллисент всегда удивляло, что и в саду, и в нелепом доме, населенном столь прозаичными людьми, есть что-то романтическое. Стеклопанная дверь осталась приоткрытой, и в сад донесся голос старого Нэдуэя:

— Тяжело карает меня Господь, — говорил он. — У меня три сына, и все они против меня.

— Мы совсем не против вас, отец, — мягко и быстро начал Джон. — Мы просто хотим реорганизовать дело. Теперь ведь новые условия, и общественное мнение изменилось. Ни Нормана, ни меня нельзя обвинить в неблагодарности или непочтительности.

— Эти свойства, — сказал Норман своим глубоким голосом, — ни на йоту не лучше старых методов.

— Вот что, — устало сказал отец, — на сегодня хватит. Мне недолго править фирмой.

Миллисент смотрела на дом не помня себя от удивления. Ни Норман, ни Джон не обратили внимания на одну из отцовских фраз. Но она слышала ясно, что он сказал: «Три сына». И впервые она подумала, не хранят ли тайны эти нелепые и все же романтические стены.

ВЗЛОМЩИК И ФЕРМУАР

История, закончившаяся поразительными открытиями, началась с того, что Миллисент испугалась вора. Кража была неинтересная — вор ничего не успел украсть, его спугнули. Но спугнули, точнее — удивили, не только его.

Джекоб Нэдуэй выделил своей секретарше великолепную комнату, выходящую в холл. Он обеспечил Миллисент все удобства, включая тетку. Правда, Миллисент порой сомневалась, причислить ли тетку к удобствам. У миссис Мильтон-Маубри были две функции: предполагалось, что она ведет дом и придает особый блеск личной секретарше. Характеры у женщин были разные. Племянница с достоинством несла тяготы нового положения, тетка же впадала порой в прежнюю спесь, которую с нее незамедлительно сбивали. Тогда Миллисент весь вечер утешала ее, а потом по мере сил утешалась сама. На сей раз она не легла, а примостилась с книгой у камина и читала до поздней ночи, не замечая, что все давно спят. Вдруг в полной тишине раздался новый, необычный звук. Что-то визжало в холле, словно точили ножи или металл вгрызался в металл. И Миллисент вспомнила, что в углу, между ее дверью и дверью хозяина, стоит сейф.

Она была бессознательно храброй (самый лучший вид храбрости) и вышла в холл посмотреть. То, что она увидела, удивило ее своей простотой. Она сотни раз об этом читала, сотни раз видела это в кино и сейчас не могла поверить, что ЭТО — вот такое. Сейф был открыт, а перед ним, спиной к ней, стоял на коленях какой-то оборванец; она видела только его спину и засаленную мятую шляпу. На полу справа от него сверкало стальное сверло и еще какие-то инструменты. Слева еще ярче сверкала серебряная цепь с драгоценным фермуаром

— вероятно, он где-то ее украл. Все было слишком похоже на то, как это представляешь, слишком просто, почти скучно. И Миллисент не притворялась, когда спросила без всякого волнения:

— Что вы тут делаете?

— Сами видите, не лезу в гору и не играю на тромбоне, — глухо проворчал он. — Кажется, ясно, что я делаю. — Он помолчал, потом сказал с угрозой: — И не выдумывайте, что это ваша штука. Она не ваша. Я ее отсюда не брал. Скажем, я ее захватил из другого дома. Красивая, а? Под шестнадцатый век. На ней девиз: «Amor vincit omnia». ¹ Хорошо им говорить, что любовь побеждает все, а силой ничего не сделаешь! Однако

этот сейф я взял силой. Еще не видел сейфа, который откроешь только любовью к нему.

Можно было застыть на месте оттого, что взломщик как ни в чем не бывало говорит, не оборачиваясь; кроме того, казалось странным, что он разобрал латинскую надпись, как она ни проста. Однако Миллисент не могла ни убежать, ни вскрикнуть, ни прервать его спокойную речь.

— Вероятно, они вспомнили тот фермуар, который носила аббатиса у Чосера. Там такой же девиз. Вам не кажется, что Чосер здорово подметил социальные типы? Многие и сейчас живы. Вот аббатиса, например: две-три черты, и пожалуйста — английская леди, поразительнейшее из существ. Ее отличишь от всех в любом заграничном пансионе. Аббатиса была из самых лучших, но главное налицо: жалеет мышек, трясется над своими собачками, чинно держится за столом — ну все как есть, даже по-французски говорит, причем французы ее не понимают.

Взломщик медленно обернулся и посмотрел на Миллисент.

— Да вы сами английская леди! — воскликнул он. — Вы знаете, их все меньше.

Быть может, мисс Мильтон, как и аббатиса, была из самых лучших английских леди. Но надо честно признать, что были у нее и пороки, свойственные этому типу. Один из них — бессознательное классовое чувство. Ничего не поделаешь — как только вор заговорил о литературе, все перевернулось у нее в голове, и она подумала, что он не может быть вором. Если бы она следовала логике, ей пришлось бы признать, что ничего не изменилось. Теоретически у знатока средневековой поэзии не больше прав на чужие сейфы, чем у всех других. Но что-то помимо ее воли сработало в ее сознании, и ей показалось, что теперь все иначе. Ее чувства можно передать расплывчатыми фразами вроде: «Это совсем другое дело» или «Тут что-то не так». В действительности же (к вящему позору своего замкнутого мира) некоторых людей она видела изнутри, а всех остальных — от взломщиков до каменщиков — только снаружи.

Молодой человек, глядевший на нее, был оборван и небрит, но щетина уже так выросла, что ее можно было счесть несовершенной бородкой. Росла она клочками; и, вспомнив неопрятные бородки иностранцев, Миллисент решила, что он похож на интеллигентного шарманщика. Что-то еще было в нем странное — может быть, потому, что губы его насмешливо кривились, а глаза глядели серьезно, более того — восторженно. Если бы нелепая бородка закрыла рот, его можно было бы принять за фанатика, вопиющего в пустыне. Вероятно, он страстно ненавидел общество, если дошел до такой жизни; а может, его погубила женщина. И Миллисент вдруг

захотелось узнать, в чем там было дело и как эта женщина выглядит.

— Вы молодец, что здесь со мной стоите. Вот еще одна черта: английские леди — храбрые. Но теперь расплодились другие племена. Такой фермуар не должен украшать недостойных. Одно это оправдало бы мою профессию. Мы, взломщики, способствуем круговороту вещей, не даем им залежаться не там, где нужно. Если бы его носила аббатиса, я бы его не взял, не думайте. Если бы я встретил такую милую леди, как она, я бы отдал ей эту штуку. Нет, вы мне скажите, почему свежееиспеченная графиня, похожая на какаду, должна ее носить? Мало, мало мы ворует, взломщиков не хватает, разбойников, некому имущество перераспределять!.. Переставили бы все по местам, как следует, понимаете, как хозяйки весной, и...

Но его социальную программу прервали на самом интересном месте — кто-то громко, со свистом, задохнулся от удивления. Миллисент оглянулась и увидела своего хозяина. Джекоб Нэдуэй стоял в пурпурном халате. Только сейчас она удивилась, что сама не убежала и спокойно слушает взломщика, у открытого сейфа, словно они сидят за чайным столом.

— О Господи! Взломщик, — проговорил Нэдуэй.

В ту же минуту слышались быстрые шаги, и младший партнер вбежал, отдуваясь, без пиджака, зато с револьвером. Но рука его выпустила револьвер, и он тоже сказал недоверчивым, странным тоном:

— Ах ты черт! Взломщик.

Преподобный Норман Нэдуэй пришел вслед за братом — бледный, торжественный, в наброшенном на пижаму пальто. Но смешней всего было не это: тем же странным, удивленным тоном он проговорил: «Взломщик».

Миллисент показалось, что у всех троих какая-то не та интонация. Взломщик был, без сомнения, взломщиком, так же как сейф был сейфом. Она не сразу поняла, почему они так произносят это слово, как будто перед ними грифон или другое чудище, и вдруг догадалась: они удивляются не тому, что к ним забрался взломщик, а тому, что взломщиком стал этот человек.

— Да, — сказал гость, с улыбкой глядя на них, — я теперь взломщик. Когда мы виделись в последний раз, я, кажется, писал прошения для бедных. Так вот растешь понемногу... То, за что отец меня выгнал, — сущая чепуха по сравнению с этим, а?

— Алан, — очень серьезно сказал Норман Нэдуэй. — Зачем ты пришел сюда? Почему ты решил обокрасть именно наш дом?

— Честно говоря, — ответил Алан, — я думал, что наш уважаемый

отец нуждается в моральной поддержке.

— Ты что? — рассердился Джон. — Хорошенькая поддержка!

— Прекрасная, — с гордостью сказал вор. — Разве вы не видите? Я единственный настоящий сын и наследник. Только я продолжаю дело. Атавизм, так сказать. Возрождаю семейную традицию.

— Не понимаю, о чем ты говоришь! — взорвался старый Нэдуэй.

— Джек и Норман понимают, — хмуро сказал вор. — Они знают, о чем я говорю. Они, бедняги, уже лет шесть пытаются это замять.

— Ты родился мне на горе, — сказал старый Нэдуэй, дрожа от злости. — Ты бы замарал мое имя грязью, если бы я не отослал тебя в Австралию. Я думал, что избавился от тебя, а ты вернулся вором.

— И достойным продолжателем, — сказал его сын, — методов, создавших нашу фирму. — Он помолчал, потом прибавил с горечью: — Вы говорите, что стыдитесь меня. Господи, отец! Разве вы не видите, эти двое стыдятся вас? Посмотрите на них!

Братья быстро отвернулись, но отец успел посмотреть.

— Они стыдятся вас. А я не стыжусь. Мы с вами отчаянные люди.

Норман поднял руку, протестуя, но Алан продолжал язвительно и горько:

— Думаете, я не знаю? Думаете, никто не знает? Вот почему Норман с Джеком вцепились в эти новые методы и общественные идеалы! Хотят очистить имя Нэдуэев — от него ведь разит на весь свет! Фирма-то стоит на обмане, на потогонной системе — сколько бедных извели, сколько набижали вдов и сирот! А главное — она стоит на воровстве. Вы, отец, грабили конкурентов, и партнеров, и всех — вот как я вас.

— По-твоему, это пристойно? — в негодовании спросил его брат. — Мало того что ты грабишь отца, — ты его оскорбляешь.

— Я его не оскорбляю, — сказал Алан. — Я его защищаю. Из всех собравшихся я один могу его защитить. Ведь я преступник.

И он заговорил так пылко, что все вздрогнули от испуга.

— Что вы двое об этом знаете? Ты учишься на его средства. Ты стал его партнером. Вы живете на его деньги и стыдитесь, что он их не так нажил. А мы с ним начинали по-другому. Его выкинули в канаву — и меня. Попробуйте, и тогда увидите, сколько нахлебаешься грязи! Вы не знаете, как становятся преступниками, — как крутишься, как отчаиваешься, как надеешься на честную работу и берешься наконец за нечестную. У вас нет никакого права презирать двух воров нашей семьи.

Старый Нэдуэй резко поправил очки, и наблюдательная Миллисент заметила, что он не только удивлен, но и тронут.

— Все это не объясняет, — сказал Джон, — твоего пребывания в доме. Ты, вероятно, знаешь, что в сейфе ничего нет. Эта штука не наша. Не понимаю, что ты задумал!

— Что ж, — усмехнулся Алан, — осмотри получше дом, когда я уйду. Может, сделаешь открытие-другое. А вообще-то я...

И тут прямо над ухом Миллисент раздался смешной и тревожный звук — тот самый пронзительный звук, которого здесь не хватало. Тетка проснулась, чтобы достойно завершить мелодраму. Викторианская традиция дожила до наших дней в лице миссис Мильтон-Маубри. Миллисент все время ждала чего-то. И вот кто-то завизжал, как и подобает, когда в доме взломщик.

Пятеро переглянулись. Вору оставалось одно: скрыться побыстрее. Он кинулся налево, то есть в комнаты Миллисент и миссис Мильтон-Маубри, и визг достиг высшего накала. Наконец где-то хрустнуло стекло — вор вырвался из дома в сад, и все они вздохнули, каждый о своем.

Не стоит и говорить, что Миллисент направилась утешать тетку и визг сменился потоком вопросов. Потом она ушла к себе и увидела, что на ее туалете, словно драгоценности короны на черном бархате, лежит усыпанный бриллиантами фермуар с латинским девизом: «Любовь побеждает все».

УДИВИТЕЛЬНОЕ ОБРАЩЕНИЕ

Миллисент Мильтон поневоле думала, особенно в саду, в свободные часы, доведется ли ей снова увидеть взломщика. Обычно взломщики не возвращаются. Но этот был совсем необычно связан с семьей Нэдуэв. Как взломщик он должен был скрыться; как родственник — мог прийти снова. Тем более что он блудный сын, а им возвращаться положено. Она попыталась было подступиться к его братьям, но ничего путного не добилась. Как вы помните, Алан нагло посоветовал осмотреть дом после его ухода. Но, вероятно, он работал очень уж тонко и ловко — никто не мог выяснить, что же он взял. Она билась над этим вопросом и многими другими и ничего не могла понять, как вдруг, случайно взглянув вверх, увидела, что Алан спокойно стоит на садовой стене и смотрит вниз. Ветер шевелил его взъерошенные темные волосы, как листья на дереве.

— Еще один способ проникнуть в дом, — сказал он четко, словно лектор, — перелезть через забор. Просто как будто. Красть вообще просто. Только сейчас я никак не решу, что же мне украсть.

Он помолчал.

— Для начала украду у вас немного времени. Не пугайтесь, хозяин не рассердится. Меня сюда позвали, честное слово.

Он прыгнул и приземлился рядом с ней, не переставая говорить.

— Да, меня вызвали на семейный совет. Будут обсуждать, как меня обратить на путь истинный. Но до обращения, слава Богу, не меньше часа. Пока я еще в преступном состоянии, я бы хотел с вами поболтать.

Она не отвечала и смотрела на нелепые пальмы в кадках у ограды. Странное чувство вернулось к ней: ей снова казалось, что дом и сад романтичны, хотя тут и живут такие люди.

— Надеюсь, вам известно, — сказал Алан Нэдуэй, — что отец меня выгнал, когда мне было восемнадцать лет, и гнал до самой Австралии. Сейчас я понимаю, что кое в чем он был прав. Я дал одному приятелю деньги. Я полагал, что они мои, а отец считал, что они принадлежат фирме. С его точки зрения, я украл. Я тогда мало знал о кражах по сравнению с моими теперешними глубокими познаниями. А вам я хочу рассказать о том, что со мной случилось, когда я уехал из Австралии.

— Может быть, они тоже хотели бы послушать? — не удержалась Миллисент.

— Да уж, наверное, — ответил он. — Только им не понять, так что и

слушать ни к чему. — Он задумчиво помолчал. — Понимаете, это слишком просто для них. Слишком просто, чтобы поверить. Прямо как притча, то есть как басня, а не факт. Возьмем моего брата Нормана. Он честный человек и очень серьезный. Каждое воскресенье он читает притчи из Писания. Но он бы в них не поверил, если б это было в жизни.

— Вы хотите сказать, что вы блудный сын? — спросила она. — А Норман — старший?

— Нет, я не то имел в виду, — сказал Алан Нэдуэй. — Во-первых, не хочу преуменьшать великодушия Нормана. Во-вторых, не буду преувеличивать радость моего отца.

Она невольно улыбнулась, но, как образцовая секретарша, удержалась от замечания.

— Я хотел сказать вот что, — продолжал он. — Когда рассказываешь для наглядности простую историю, она всегда кажется неправдоподобной. Возьмем политическую экономию. Норман ею много занимался. Он, несомненно, читал учебники, которые начинаются так: «Представьте, что человек попал на необитаемый остров». Студентам и школьникам всегда кажется, что ничего этого быть не может. А ведь было!

Ей стало немного не по себе.

— Что было? — спросила она.

— Я попал на остров, — сказал Алан. — Вы не верите в такие притчи, потому что это звучит дико.

— Вы хотите сказать, — нетерпеливо перебила она, — что вы были на необитаемом острове?

— Да, и еще кое-что. В том-то и суть, что все шло как надо, пока я не попал на очень обитаемый остров. Начнем с того, что я жил несколько лет в довольно необитаемой части довольно обитаемого острова. На карте он называется Австралией. Я пытался обрабатывать землю, но мне зверски не везло, пришлось сняться с места и ехать в город. На мою удачу лошади пали в пути, и я остался один в пустыне. Шел я шел и ни о чем не думал, как вдруг увидел высокий сине-серый куст, выделявшийся из всех сине-серых кустов, и понял, что это дым. Есть хорошая поговорка: «Нет дыма без огня». Другая поговорка еще лучше: «Нет огня без человека». Короче, мне повстречался человек. В нем ничего особенного не было — вы бы нашли в нем сотни недостатков, если бы встретили в гостях. И все-таки он был колдун. Он мог то, чего не могут ни зверь, ни дерево, ни птица. Он дал мне супу и показал дорогу. Короче говоря, я добрался до порта и нанялся на маленькое судно. Капитан не отличался добротой, и мне было довольно трудно, но не тоска бросила меня за борт — меня просто смыло волной

как-то ночью. Уже светало, меня заметили, закричали: «Человек за бортом!» — и четыре часа матросы во главе со свирепым капитаном пытались меня выудить. Это им не удалось. Подобрала меня лодка, вроде каноэ, а в ней сидел сумасшедший, который действительно жил на необитаемом острове. Он дал мне бренди и взял к себе, как будто так и надо. Он был странный человек — белый, то есть белокожий, но совсем одичавший. Носил он только очки и поклонялся старому зонтику. Однако он совсем не удивился, что я прошу его о помощи, и помогал мне как мог. Наконец мы увидели пароход. Я долго кричал, махал полотенцем, раскладывал костры. В конце концов нас увидели, пароход изменил курс и забрал нас. С нами обращались официально, сухо, но они не подумали пройти мимо — это был просто долг. И вот все время, особенно на этом пароходе, я пел про себя старую как мир песню: «На реках вавилонских». Я пел о том, что хорошо человеку дома и нет ничего тяжелей изгнания. В порт Ливерпуль я вошел с тем самым чувством, с каким приезжаешь домой на рождественские каникулы. Я забыл, что у меня нет денег, и попросил кого-то одолжить мне немного. Тут же меня арестовали за попрошайничество, и с этой ночи в тюрьме началась моя преступная жизнь.

Надеюсь, вы поняли, в чем суть моей экономической притчи. Я побывал на краю света, среди отбросов общества. Я попал к последним подонкам, которые мало могли мне дать и не очень хотели давать. Я махал проходящим судам, обращался к незнакомым людям, и, конечно, они меня ругали от всего сердца. Но никто не увидел ничего странного в том, что я прошу помощи. Никто не считал меня преступником, когда я плыл к кораблю, чтоб не утонуть, или подходил к костру, чтоб не умереть. В этих диких морях и землях люди знали, что надо спасать утопающих и умирающих. Меня ни разу не наказывали за то, что я в беде, пока я не вернулся в цивилизованный мир. Меня не называли преступником за то, что я прошу сочувствия, пока я не пришел домой.

Ну вот. Если вы поняли притчу, вы знаете, почему новый блудный сын считает, что дома его ждали не тельцы, а свиньи. Дальше были в основном стычки с полицией и тому подобное. До моих наконец дошло, что надо бы меня приручить или пристроить. Неудобно в конце концов! Ведь такие, как вы или ваша тетка, уже в курсе дела. Во всяком случае, для части моих родственников это сыграло главную роль. В общем, мы условились сегодня встретиться и обсудить сообща, как сделать из меня приличного человека. Вряд ли они понимают, что на себя берут. Вряд ли они знают, что чувствуют такие, как я. А вам я это все рассказал, пока их нет, потому что я

хочу, чтоб вы помнили: пока я был среди чужих, для меня оставалась надежда.

Они уже давно сидели на скамейке. Сейчас Миллисент встала — она увидела, что по траве идут трое в черном. Алан Нэдуэй остался сидеть, и его небрежная поза показалась особенно нарочитой, когда Миллисент поняла, что старый Нэдуэй идет впереди, хмурый, как туча на ясном небе.

— Вероятно, не стоит тебе говорить, — медленно и горько сказал Нэдуэй,

— что ограблен еще один дом.

— Еще один? — удивленно сказал Алан. — Кто же пострадал?

— Вчера, — сурово сказал отец, — миссис Маубри пошла к леди Крэйл, своей приятельнице. Естественно, она рассказала о том, что было ночью у нас, и узнала, что Крэйлов тоже ограбили.

— Что же у них взяли? — терпеливо, хотя и с любопытством, спросил Алан.

— Вора спугнули, — сказал отец. — К несчастью, он кое-что обронил.

— К несчастью! — повторил Алан светским, удивленным тоном. — К чьему несчастью?

— К твоему, — ответил отец.

Повисло тягостное молчание. Наконец Джон Нэдуэй нарушил его, как всегда грубовато и добродушно:

— Вот что, Алан. Если ты хочешь, чтобы тебе помогли, брось эти штуки. Допустим, нас ты хотел разыграть, хотя напугал мисс Миллисент, а миссис Маубри довел до истерики. Но посуди, как мы можем тебя выгородить, если ты лезешь к нашим соседям и оставляешь там визитную карточку с нашим именем?

— Рассеянность все, рассеянность... — огорченно сказал Алан и встал, держа руки в карманах. — Не забывай, что я вор начинающий.

— Кончающий, — сказал отец. — Или ты это бросаешь, или отсидишь пять лет. Леди Крэйл может подать в суд и подаст, скажи я хоть слово. Я пришел, чтобы дать тебе еще один, тысяча первый шанс. Брось воровать, и я тебя пристрою.

— Мы с твоим отцом, — сказал Норман Нэдуэй, четко выговаривая слова, — не всегда сходимся во взглядах. Но сейчас он прав. Я очень тебе сочувствую, но одно дело — красть с голоду, и другое — голодать, чтобы только не жить честно.

— Вот именно! — пылко поддакнул брату положительный Джон. — Мы с удовольствием тебя признаем, если ты бросишь воровать. Или брат, или вор. Кто ты? Наш Алан, которому отец найдет работу, или чужой

парень, которого мы должны выдать полиции? Или то, или это — третьего не дано.

Алан обвел взором дом и сад, и глаза его как-то жалобно остановились на Миллисент. Потом он снова сел на скамью и, уперев локти в колени, закрыл лицо руками, словно погрузился в молитву. Отец и братья напряженно смотрели на него.

Наконец он поднял голову, отбросил со лба черные пряди волос, и все увидели, что бледное лицо совершенно изменилось.

— Ну, — сказал отец уже не так сурово, — не будешь больше лазить в чужие дома?

Алан встал.

— Да, папа, — серьезно сказал он. — Я подумал и вижу теперь — вы правы. Не буду.

— Слава Богу, — сказал Норман, и его поставленный голос дрогнул в первый раз. — Не хочу читать нравоучений, но ты увидишь сам, как хорошо, когда не надо прятаться от близких.

— И вообще тяжелая это штука — кража со взломом, — сказал Джон, всегда стремившийся к общему согласию. — Черт знает что! Лезть в чужой дом, да еще не через дверь. Как будто надеваешь чужие брюки. Тебе же будет спокойней, что ни говори.

— Ты прав, — задумчиво сказал Алан. — Зачем усложнять себе жизнь? Разузнавать где что лежит — да, тяжело... Начну-ка я все заново. Проще буду жить, как-то прямее... Говорят, карманы очищать очень выгодно.

Он мечтательно смотрел на пальцы, все остальные смотрели на него.

— Один мой приятель, — продолжал он, — очень хорошо устроился. Он обрабатывает жителей Ламбета, когда они выходят из метро или кино. Что говорить, они там победней, чем тут у вас, сейфов у них нет, зато их много. Просто удивительно, сколько можно за день собрать... Да, все говорят, что карманником быть доходней.

Они еще помолчали, потом Норман проговорил очень ровным голосом:

— Я очень хотел бы знать, шутка ли это. Я сам люблю юмор.

— Шутка... — рассеянно повторил Алан. — Шутка?.. Нет, что ты! Это деловой разговор. Отец мне не найдет такой хорошей работы.

— А ну, вон из моего дома! — заорал старый Нэдуэй. — Убирайся отсюда, пока я не вызвал полицию!

С этими словами он повернулся и пошел к дому. За ним направились Норман и Джон. Алан остался стоять у скамьи неподвижно, как статуя в

саду.

Уже вечерело, стало тихо, и сад не казался таким ярким — деревья и цветы подернулись предвечерним туманом, поднимавшимся с лугов, все посерело, только блестящие точки звезд сверкали на светлом небе. Звезды сверкали все ярче, сумерки сгущались, но не двигались две статуи, забытые в саду. Наконец одна из них — женщина — быстро пошла по траве к другой — мужчине у скамейки. И тот увидел еще одну странность: ее лицо, обычно серьезное, было веселым и лукавым, как у эльфа.

— Ну вот, — сказала Миллисент. — Вы с этим покончили.

— Вы хотите сказать, что я покончил с надеждами на помощь? — спросил он. — У меня их и не было.

— Нет, я не то хочу сказать, — ответила она. — Вы перегнули палку.

— Какую палку? — спросил он все так же строго.

— Перелгали, если хотите, — улыбнулась она. — Переиграли. Я не знаю, что это все значит, но это неправда. Я могла поверить с грехом пополам, что вы взломщик и грабите богатых. Но вы сказали, что вы карманник и будете грабить бедных, которые выходят из кино, а я знаю, что это неправда. Этот мазок испортил всю картину.

— Так кто же я, по-вашему? — резко спросил он.

— Может, вы мне скажете? — просто сказала она.

Он напряженно молчал, потом произнес странным тоном:

— Я сделаю для вас все, что угодно.

— Всем известно, — сказала она, — что нас, женщин, губит любопытство.

Он снова закрыл глаза рукой, помолчал и глубоко вздохнул.

— *Amor vincit omnia*, — сказал он.

Потом он поднял голову, заговорил, и глаза его собеседницы сверкали все ярче и ярче, пока она слушала его под сверкающими звездами.

СОМНЕНИЯ СЫЩИКА ПРАЙСА

Питер Прайс, частный сыщик, не питал особой склонности к английским леди, столь милым сердцу и разуму Джеффри Чосера и Алана Нэдуэя. Английская леди подобна бриллианту или, быть может, цветку, меняющему цвет. Мистеру Прайсу нередко доводилось видеть ту грань, которая повернута к лакеям, бестактным кебменам, попутчикам, не вовремя открывшим окно, и прочим отъявленным врагам рода человеческого. Сейчас он понемногу приходил в себя после беседы с типичнейшей представительницей племени — некоей миссис Мильтон-Маубри, которая высоким, уверенным голосом без малого час порола чепуху.

Насколько он понял, говорила она примерно следующее: ограбили Нэдуэев, у которых она живет со своей племянницей, но ей ничего не сказали, чтобы она не обнаружила своих потерь. В том, что Нэдуэев ограбили, сомнений нет — визитную карточку Нэдуэя-младшего нашли в соседнем доме, который, кстати, тоже ограбили. Этот дом принадлежит леди Крэйл, и вор пошел туда от Нэдуэев, прихватив их вещи, а там в спешке обронил. Строго говоря, кое-что он обронил и у Нэдуэев — она видела у племянницы фермуар, которого раньше не было. Но племянница молчит; весь дом ее обманывает — не племянницу, конечно, а негодующую миссис Мильтон-Маубри.

— Рассеянный у нас вор, — сказал сыщик, глядя в потолок. — Как говорится, не из удачливых. Сперва он что-то у кого-то крадет и теряет у Нэдуэев. Потом он крадет у Нэдуэев и теряет к Крэйлов. Кстати, что он украл у леди Крэйл?

Сыщик был кругленький, лысый, а лицо у него странно морщилось, так что нельзя было понять, улыбается он или нет. Но его собеседнице и в голову бы не пришло, что он смеется над ней.

— Вот именно! — победоносно воскликнула она. — Мои слова! От меня абсолютно все скрывают. Они какие-то уклончивые... Даже леди Крэйл говорит: «Наверное, что-нибудь украли. Иначе зачем ему скрываться?» А Нэдуэи просто молчат. Сколько раз я им повторяла: «Не щадите меня, я выдержу». В конце концов имею же я право узнать, обокрали меня или нет!

— Может быть, им будет легче, — сказал сыщик, — если вы сами подскажите, что у вас украли? Удивительно странное дело! Никак не могу выяснить, кто чего лишился. Допустим, было две кражи. Допустим, что их

совершил один и тот же человек. Мы называем его грабителем, потому что он оставляет у потерпевших незнакомые им вещи. Ни одна из этих вещей, насколько мне известно, не принадлежит тем, кого он посетил, — вам, например.

— Откуда мне знать? — сказала леди и недоуменно повела рукой. — Никто мне не скажет. От меня все...

— Простите, — сказал мистер Прайс, на этот раз твердо. — Кому же знать, как не вам? Украли у вас что-нибудь? Украли что-нибудь у вашей соседки?

— Разве она заметит? — с внезапной желчностью сказала миссис Маубри. — При ее рассеянности...

— Та-ак... — задумчиво кивнул сыщик. — Леди Крэйл не способна заметить, обокрали ее или нет. Насколько я понял, вы тоже.

И раньше, чем до нее дошло, как ее оскорбили, прибавил:

— А мне говорили, что она умная женщина, общественный деятель и прочее.

— Ах, Господи, конечно, она умеет устраивать всякие митинги! — поморщилась викторианка. — Возьмите, например, ее лигу «Долой табак» или эту дискуссию о том, что считать наркотиком, а что лекарством. Но у себя дома она абсолютно ничего не замечает.

— А мужа она замечает? — поинтересовался Прайс. — Кажется, в свое время он слыл интересным собеседником. Говорят, он сильно пострадал на одном займе... Да и жене, конечно, не платят за борьбу с табаком. Следовательно, они люди бедные, хоть и древнего рода. Как же они не заметили, все ли у них цело?

Он помолчал, подумал и вдруг сказал резким, как выстрел, тоном:

— Что именно они нашли, когда взломщик исчез?

— Кажется, только сигары, — отвечала миссис Маубри. — Очень много сигар. Там была карточка Нэдуэя, вот мы и решили...

— Да, да, — сказал Прайс. — Что же этот вор еще украл Нэдуэев? Надеюсь, вы понимаете, что я не смогу помочь вам, если мы оба не будем откровенны. Ваша племянница — секретарь мистера Нэдуэя-старшего. Смеею предположить, что она пошла на это, потому что ей надо зарабатывать.

— Я была против, — сказала миссис Маубри. — Служить у таких людей! Но чего вы хотите? Эти социалисты нас абсолютно обобрали.

— Конечно, конечно, — согласился сыщик, рассеянно кивая, и снова уставился в потолок, словно унесся мыслью за тысячи миль. Наконец он сказал:

— Когда мы смотрим на картину, мы не думаем о конкретных, знакомых людях. Попробуем и сейчас представить себе, что говорим о чужих. Одна девушка выросла в роскоши и привыкла к красивым вещам. Потом ей пришлось жить скучно и просто — выхода у нее не было. Ей платит жалованье черствый старик, и ей не на что надеяться. А вот еще один сюжет. Светский человек привык жить широко, а живет более чем скромно. Он обеднел, да и жена-пуританка не терпит невинных радостей, особенно табака. Вам это ни о чем не говорит?

— Нет, — сказала миссис Маубри и встала, шурша платьем. — Все это в высшей степени странно. Не понимаю, что вы имеете в виду.

— Да, непрактичный этот вор... — сказал сыщик. — Если бы он знал, на что идет, он бы обронил два фермуара.

Миссис Мильтон-Маубри отряхнула со своих ног прах и пыль конторы и отправилась за утешением в другие места. А мистер Прайс подошел к телефону, улыбаясь так, словно он скрывал улыбку от самого себя, позвонил другу в Скотланд-Ярд и долго, обстоятельно говорил с ним о карманных кражах, которые участились с недавних пор в беднейших кварталах Лондона. Как ни странно, повесив трубку, мистер Прайс записал новые сведения на том же листке, на котором он делал заметки во время беседы с миссис Маубри.

Потом он снова откинулся в кресле и уставился в потолок. В эти минуты он был похож на Наполеона. Что ни говори, Наполеон тоже был невысок, а в пожилые годы тучен; вполне можно допустить, что и Прайс стоил больше, чем казалось с виду.

Сыщик ждал еще одного посетителя. Оба посещения были тесно связаны, хотя миссис Маубри сильно бы удивилась, если бы встретила здесь хорошо знакомого ей младшего партнера фирмы «Нэдуэй и сын».

Дело в том, что Алан Нэдуэй не действовал больше тайно, как тать в ночи. Он намеренно выдал себя — еще откровенней, чем в тот раз, когда оставил карточку у Крэйлов. Если ему суждено попасть в тюрьму и в газеты, заявил преступник, он будет фигурировать там под собственным именем. В письме к брату он серьезно сообщал, что не видит в карманных кражах ничего дурного, но совесть (быть может, слишком чувствительная) не позволит ему обмануть доверчивого полисмена. Трижды пытался он назваться Ногглуопом, и всякий раз голос у него срывался от смущения.

Гром разразился дня через три после этого письма. Имя Нэдуэев снова замелькало в шапках всех вечерних газет, но контекст был совсем не тот, что обычно. Алан Нэдуэй, старший сын сэра Джекоба Нэдуэя (так звали к тому дню его отца), привлекался к суду по обвинению в воровстве, которым

он прилежно и успешно занимался несколько недель.

Дело осложнялось тем, что вор не только цинично и безжалостно обирал бедняков, но выбрал к тому же тот самый квартал, где его брат, почтенный Норман Нэдуэй, подвизался с недавних пор в качестве приходского священника и неустанно творил добро, снискав заслуженную любовь прихожан.

— Просто не верится! — сокрушенно и веско сказал Джон Нэдуэй. — Неужели человек способен на такую гнусность?

— Да, — немного сонно откликнулся Питер Прайс, — просто не верится.

Не вынимая рук из карманов, он встал, посмотрел в окно и прибавил:

— Да, лучше не скажешь! Вот именно: «просто не верится».

— И все же это правда, — сказал Джон и тяжело вздохнул.

Питер Прайс не отвечал так долго, что Джон вскочил на ноги.

— Что с вами, черт побери? — крикнул он. — Разве это не правда?

Сыщик кивнул.

— Когда вы говорите «это правда», я с вами согласен. Но если вы спросите, что именно правда, я отвечу: «Не знаю». Я только догадываюсь, в самых общих чертах.

Он снова помолчал, потом сказал резко:

— Вот что. Не хотел бы заранее возбуждать ни надежд, ни сомнений, но, если вы разрешите мне повидаться с теми, кто готовит дело, я, кажется, кое что им подскажу.

Джон Нэдуэй медленно вышел из конторы. Он был сильно озадачен и не опомнился до вечера, то есть до самого отчего дома. Машину он вел как всегда умело, но лицо его против обыкновения было мрачным и растерянным. Все так запуталось и осложнилось, словно его загнали на самый край пропасти, а это нечасто бывает с людьми его склада. Он охотно сознался бы со всем простодушием, что он не мыслитель и ничего не видит странного, если человек не задумался ни разу в жизни. Но сейчас все стало непонятным, вплоть до этого деловитого коренастого сыщика. Даже темные деревья перед загородным домом изогнулись вопросительными знаками. Единственное окно, светившееся на темной глыбе дома, напоминало любопытный глаз. Джон слишком хорошо знал, что позор и беда нависли над их семьей, как грозовая туча. Именно эту беду он всегда пытался предотвратить; а сейчас, когда она пришла, он даже не мог назвать ее незаслуженной.

На темной веранде, в полной тишине он наткнулся на Миллисент. Она сидела в плетеном кресле и смотрела в темнеющий сад. Ее лицо было

самой непонятной из всех загадок этого дома — оно сияло счастьем.

Когда она поняла, что сумрак сада заслонила черная фигура дельца, ее глаза затуманились — не печально, а растроганно. Она пожалела этого сильного, удачливого, несчастного человека, как жалеют немых и слепых; но она никак не могла понять, почему ее сердце и дрогнуло, и очерствело, пока не вспомнила, как чуть не влюбилась когда-то в этом самом саду. Однако она не знала, почему так сильно, почти мучительно радуется, что не влюбилась и никогда, ни за что не сможет влюбиться в такого. В какого же? Ведь он добродушный, а говорить правду для него так же естественно, как чистить зубы. Но влюбиться в него не лучше, чем в двухмерное, плоское существо. А в ней самой, чувствовала она, открылись новые измерения. Она еще не заглянула в них, еще не знала, что у нее есть; зато она знала, чего нет: любви к Джону Нэдуэю. И потому она пожалела его, бесстрастно, словно брата.

— Мне так жаль! — сказала она. — Вам сейчас очень трудно. Наверное, вам кажется, что это страшный позор.

— Благодарю вас, — растроганно сказал он. — Да, нам нелегко. Спасибо на добром слове.

— Я знаю, какой вы хороший, — сказала она. — Вы всегда старались избежать дурных слухов. А это, наверное, кажется вам страшным позором.

Он был тугодум, но и его удивило, что она второй раз говорит «кажется».

— Боюсь, мне не только кажется, — сказал он. — Карманник Нэдуэй! Да, хуже не придумаешь!

— Вот-вот, — сказала она, как-то непонятно кивая. — Через плохое, но вероятное, приходишь к невероятно хорошему.

— Я не совсем понимаю, — сказал Нэдуэй-младший.

— Можно прийти к самому лучшему через самое худшее, — сказала она. — Ну, как на запад через восток. Ведь там, на другой стороне мира, действительно есть место, где запад и восток — одно. Неужели не понимаете? Предельно хорошие вещи непременно кажутся плохими.

Он тупо смотрел на нее, а она продолжала, словно думала вслух:

— Ослепительный свет отпечатывается в глазу, как черное пятно.

Нэдуэй-младший пошел дальше тяжелой походкой. К его несчастьям прибавилось еще одно: Миллисент сошла с ума.

ВОР ПЕРЕД СУДОМ

Дело Алана Нэдуэя вызвало гораздо больше хлопот и проволочек, чем обычное разбирательство карманных краж. Поначалу ходили слухи — по-видимому, из надежных источников, — что обвиняемый признает себя виновным. Потом засуетились те слои общества, к которым он когда-то принадлежал, и ему разрешили свидания с родными. Но только тогда, когда отец обвиняемого, престарелый сэр Джекоб Нэдуэй, стал посылать в тюрьму для переговоров личного секретаря, выяснилось, что обвиняемый собирается сказать: «Не виновен». Затем пошли разговоры о том, какого он выберет защитника. Наконец стало известным, что он поведет защиту сам.

Следствие велось формально. Только в суде, перед лицом судьи и присяжных, предъявили развернутое обвинение. Тон задал прокурор — он начал речь сокрушенно и сурово.

— Подсудимый, — сказал он, — как это ни прискорбно, является членом весьма уважаемой семьи и запятнал своим преступлением щит знатного, благородного и добродетельного рода. Всем известно, какие преобразования навсегда прославили имя его брата, мистера Джона Нэдуэя. Даже те, кто не признает обрядов и не подчиняет интеллект догме, уважают другого брата, преподобного Нормана Нэдуэя, за его общественное рвение и активную благотворительность. Но английский закон не знает лицеприятия и карает преступление в любых, самых высоких слоях общества. Несчастный Алан Нэдуэй всегда был неудачником и тяжким бременем для своей семьи. Его подозревали, и не без оснований, в попытке совершить кражу со взломом в доме своего отца и у близких друзей.

Тут вмешался судья.

— Это к делу не относится, — заявил он. — В обвинительном материале нет упоминаний о краже со взломом.

Подсудимый весело откликнулся:

— Да ладно, милорд!

Но никто в его слова не вникал — до того ли, когда нарушена процедура! И прокурор долго препирался с судьей, пока наконец не извинился.

— Во всяком случае, — закончил он, — в карманной краже сомневаться не приходится, — и посулил представить свидетелей.

Вызвали констебля Бриндла. Он дал показания на одной ноте, словно все, что он говорил, было одной фразой, более того — одним словом.

— Согласно донесению я пошел за обвиняемым от дома преподобного Нормана Нэдуэя до кино «Гиперион» на расстоянии двухсот шагов и видел, как обвиняемый сунул руку в карман человека, который стоял под фонарем, и я сказал, чтобы тот человек проверил свои карманы, и опять пошел за обвиняемым, который смешался с толпой, а один, который выходил из кино, повернулся к обвиняемому и хотел его бить, а я подошел и сказал: вы что, обвиняете этого человека, а он сказал: да, а обвиняемый сказал: а я обвиняю его, что он на меня напал, и, пока я с тем говорил, обвиняемый отошел и сунул руку в карман одному в очереди. Тогда я сказал, чтобы тот проверил карманы, и задержал обвиняемого.

— Желаете ли вы подвергнуть свидетеля допросу? — спросил судья.

— Я уверен, — сказал подсудимый, — что вы, милорд, не поставите мне в вину незнание процедуры. Могу ли я спросить сейчас, вызовет ли обвинение тех троих, которых я, по слухам, обокрал?

— Я вправе сообщить, — сказал прокурор, — что мы вызываем Гарри Гэмбла, служащего в букмекерской конторе, который, по словам Бриндла, угрожал подсудимому побоями, а также Изидора Грина, учителя музыки, последнего из пострадавших.

— А что же с первым? — спросил подсудимый. — Почему его не вызвали?

— Понимаете, милорд, — сказал прокурор судье, — полиции не удалось установить его имени и адреса.

— Могу ли я спросить, — сказал Алан Нэдуэй, — как же так получилось?

— Ну, — сказал полисмен, — отвернулся я, а он убежал.

— Как так? — спросил подсудимый. — Вы говорите человеку, что его обворовали, и обещаете вернуть деньги, а он бежит, как вор?

— Я и сам не понимаю, — сказал полисмен.

— С вашего разрешения, милорд, — сказал подсудимый, — я спрошу еще об одном. Свидетелей двое, но только один из них предъявляет иск. С другим что-то неясно. Верно, констебль?

Несмотря на немыслимую нудность роли, в которой он сейчас выступал, полисмен был человеком и умел смеяться.

— Именно что неясно, — робко усмехнулся он. — Он из этих, музыкантов, так что деньги считать не умеет. Я ему говорю: «Сколько у вас украли?», а он считал, считал, и все выходило по-разному. То два шиллинга шесть пенсов, то три шиллинга четыре пенса, а то и все четыре шиллинга. Так что мы решили, что он большой раззява.

— В высшей степени странно, — сказал судья. — Насколько мне

известно, свидетель Грин сам даст показания. Надо вызвать его и Гэмбла.

Мистер Гарри Гэмбл, в очень пестром галстуке, сиял сдержанной приветливостью, отличающей тех, кто и в пивной не теряет уважения к себе. Однако он был не чужд горячности и не отрицал, что вlepил как следует этому типу, когда тот залез ему в карман. Отвечая суду, он рассказал в общих чертах то же самое, что и полисмен, и признал, что сразу после происшествия действительно отправился в «Свинью и Свисток».

Прокурор вскочил и спросил в негодовании, что это обозначает.

— Мне кажется, — строго сказал судья, — подсудимый хочет доказать, что свидетель не знал точно, сколько у него украли.

— Да, — сказал Алан Нэдуэй, и его глубокий голос прозвучал неожиданно серьезно. — Я хочу доказать, что свидетель не знает, сколько у него украли.

И, обернувшись к свидетелю, спросил:

— Вы угощали народ в «Свинье и Свистке»?

— Милорд, — вмешался прокурор, — я протестую. Подсудимый оскорбляет свидетеля.

— Оскорбляю? Да я ему льщу! — весело откликнулся Нэдуэй. — Я его хвалю, воспеваю! Я предположил, что ему присуща древняя доблесть гостеприимства. Если я скажу, что вы дали банкет, разве я оскорблю вас? Если я угощу шесть стряпчих хорошим завтраком, разве я их обижу? Неужели вы стыдитесь своей щедрости, мистер Гэмбл? Неужели вы трясетесь над деньгами и не любите людей?

— Ну, что вы, сэр! — отвечал слегка растерянный свидетель. — Нет, сэр, что вы! — прибавил он твердо.

— Я думаю, — продолжал подсудимый, — что вы любите своих ближних, особенно собутыльников. Вы всегда рады их угостить и угощаете, когда можете.

— Не без этого, сэр, — отвечал добродетельный Гэмбл.

— Конечно, вы редко это делаете, — продолжал Алан. — Вы не всегда можете. Почему вы угостили их в тот день?

— Как вам сказать, — снова растерялся свидетель. — Деньги, наверное, были.

— Вас же обокрали! — сказал Нэдуэй. — Спасибо, это все, что я хотел узнать.

Мистер Изидор Грин, учитель музыки, длинноволосый человек в выцветшем бутылочно-зеленом пальто, был, по меткому выражению полицейского, истинным раззявой. На вступительные вопросы он ответил сравнительно гладко и сообщил, что почувствовал тогда что-то в кармане.

Но когда Нэдуэй — очень мягко и приветливо — стал допрашивать его, он заметался в страхе. По его словам, он высчитал наконец (при помощи своих друзей, более способных к математике), что у него было после кражи три шиллинга семь пенсов. Однако эти сведения не принесли пользы, так как он абсолютно не мог представить, сколько было у него раньше.

— Я занят творчеством, — сказал он не без гордости. — Может быть, жена знает.

— Прекрасная мысль, мистер Грин, — обрадовался Нэдуэй. — Я как раз вызвал вашу жену свидетелем защиты.

Все ахнули, но подсудимый, несомненно, не шутил, — учтиво и серьезно он приступил к допросу свидетельниц защиты, которые приходились женами свидетелям обвинения.

Показания жены скрипача были просты и ясны во всем, кроме одного. Сама она оказалась миловидной и толстой, вроде кухарки из богатого дома, — вероятно, именно такая женщина могла присматривать как следует за неспособным к математике Грином. Приятным, уверенным голосом она сказала, что знает все про мужнины деньги, если они есть. А в тот день у него было два шиллинга восемь пенсов.

— Миссис Грин, — сказал Алан. — Ваш муж пересчитал их после кражи с помощью своих друзей-математиков и обнаружил три шиллинга семь пенсов.

— Он у меня гений, — гордо сказала она.

Миссис Гэмбл невыгодно отличалась от миссис Грин. Такие длинные, унылые лица и поджатые губы нередко бывают у тех, чьи мужья посещают «Свинью и Свисток». На вопрос Нэдуэя, запомнился ли ей тот день, она хмуро ответила:

— Как не запомнить! Жалованья ему прибавили, только он не сказал.

— Насколько мне известно, — спросил Нэдуэй, — он угощал в тот день своих друзей?

— Угощал! — взревела свидетельница. — Угощал, еще чего! Даром, наверное, пили. Напился как пес, а платить-то не стал.

— Почему вы так думаете? — спросил Нэдуэй.

— А потому, что всю получку домой принес, и еще с добавкой. Прибавили, значит.

— Все это очень странно, — сказал судья и откинулся в кресле.

— Я могу объяснить, — сказал Алан Нэдуэй, — если вы разрешите мне, милорд.

Ему, конечно, разрешили. Алан принес присягу и спокойно смотрел на прокурора.

— Признаете ли вы, — спросил прокурор, — что полисмен задержал вас, когда вы лезли в карман к этим людям?

— Да, — сказал Алан Нэдуэй. — Признаю.

— Странно, — сказал прокурор. — Насколько мне помнится, вы сказали: «Не виновен».

— Да, — грустно согласился Нэдуэй. — Сказал.

— Что же это значит? — вскричал судья.

— Милорд, — сказал Алан Нэдуэй, — я могу объяснить вам. Только тут, в суде, никак не скажешь просто — все надо, как говорится, доказывать. Да, я лез им в карманы. Только я не брал деньги, а клал.

— Господи, зачем вы это делали? — спросил судья.

— А! — сказал Нэдуэй. — Это объяснять долго, да и не место здесь.

Однако в своей защитной речи подсудимый многое объяснил. Он разрешил, например, первую загадку: почему исчез один потерпевший? Безымянный экономист оказался хитрее кутилы Гэмбла и гения Грина. Обнаружив лишние деньги, он вспомнил, что такое полиция, и усомнился, разрешат ли ему их сохранить. Тогда он благоразумно исчез, словно колдун или фея. Мистер Гэмбл, находившийся в приятном, располагающем к добру состоянии, увидел не без удивленья, что неразменные деньги текут из его карманов, и, к величайшей своей чести, потратил их в основном на своих друзей. Однако и после этого у него осталось больше, чем он получал в неделю, что и вызвало темные подозрения жены. Наконец, как это ни странно, мистер Грин, при помощи друзей, сосчитал свои деньги. На взгляд его жены их оказалось многовато — просто потому, что он разбогател с той поры, как она, застегнув его и почистив, выпустила утром в мир. Короче говоря, факты подтверждали поразительное признание: Алан Нэдуэй клал деньги в карманы, а не воровал.

Все растерянно молчали. Судье оставалось одно: предложить присяжным вынести оправдательный приговор, что они и сделали. И мистер Алан Нэдуэй, благополучно ускользнув от прессы и семьи, поскорее выбрался из суда. Он увидел в толпе двух остроносых субъектов в очках, в высшей степени похожих на психиатров.

ИМЯ ОЧИЩЕНО

Суд над Аланом Нэдуэем и оправдательный приговор были только эпилогом драмы или, как сказал бы он сам, фарсом в конце сказки. Но настоящий эпилог, или апофеоз, был разыгран на зеленых подмостках нэдуэевского сада. Как ни странно, Миллисент всегда казалось, что этот сад похож на декорацию. Он был и чопорным, и причудливым; и все же Миллисент чувствовала, что в нем есть какая-то почти оперная, но, несомненно, истинная прелесть. Здесь сохранилась частица той неподдельной страсти, которая жила в сердцах викторианцев под покровом их сдержанности. Здесь еще не совсем выветрился невинный, неверный и начисто лишенный цинизма дух романтической школы. У человека, который сейчас стоял перед Миллисент, была старинная или иностранная борода; что-то, чего не выразишь словами, делало его похожим на Шопена или Мюссе. Миллисент не знала, в какой узор складываются ее смутные мысли, но чувствовала, что современным его не назовешь.

Она только сказала:

— Не надо молчать, это несправедливо. Несправедливо по отношению к вам.

Он ответил:

— Наверное, вы скажете, что все это очень странно...

— Я не сержусь, когда вы говорите загадками, — не сдавалась Миллисент,

— но поймите, это несправедливо и по отношению ко мне.

Он помолчал, потом ответил тихо:

— Да, на этом я и попался. Это меня и сломило. Я встретил на пути то, что не входило в мои планы. Что ж, придется вам все рассказать.

Она несмело улыбнулась.

— Я думала, вы уже рассказали.

— Рассказал, — ответил Алан. — Все, кроме главного.

— Ну, — сказала Миллисент, — я бы охотно послушала полный вариант.

— Понимаете, — сказал он, — главного не опишешь. Слова уводят от правды, когда говоришь о таких вещах.

Он снова помолчал, потом заговорил медленно, словно подыскивая новые слова:

— Когда я тонул там, в океане, у меня, кажется, было видение. Меня

вынесло в третий раз, и я кое-что увидел. Должно быть, это и есть вера.

Английская леди инстинктивно сжалась и даже как-то внутренне поморщилась. Те, кто, явившись с края света, говорят, что обрели веру, почти всегда имеют в виду, что побывали где-нибудь на сборище сектантов, — а это удивительно не подходило к умному, ученому Алану. Это ничуть не было похоже на Альфреда Мюссе.

Острым взглядом мистика он увидел, о чем она думает, и весело сказал:

— Нет, я не встретил баптиста-миссионера! Миссионеры бывают двух видов: умные и глупые. И те, и другие глупы. Во всяком случае, ни те, ни другие не понимают того, что я понял. Глупый миссионер говорит, что дикари отправятся в ад за идолопоклонство, если не станут трезвенниками и не наденут шляп. Умный миссионер говорит, что дикари даровиты и нередко чисты сердцем. Это правда, но ведь не в этом суть! Миссионеры не видят, что у дикарей очень часто есть вера, а у наших высококонравственных людей никакой веры нет. Они бы взвыли от ужаса, если бы на миг ее узрели. Вера — страшная штука.

— Я кое-что о ней узнал от того сумасшедшего. Вы уже слышали, что он совсем свихнулся и совсем одичал. Но у него можно было научиться тому, чему не научат этические общества и популярные проповедники. Он спасся, потому что вцепился в допотопный зонтик с ручкой. Когда он хоть немного опомнился, он вообразил, что этот зонтик — божество, воткнул его в землю, поклонялся ему, приносил ему жертвы. Вот оно, главное! Жертвы. Когда он был голоден, он сжигал перед зонтом немного пищи. Когда ему хотелось пить, он выливал немного пива, которое сам варил. Наверное, он мог и меня принести зонту в жертву. Что там — он принес бы в жертву себя! Нет, — еще медленней и задумчивей продолжал Алан, — я не хочу сказать, что людоеды правы. Они не правы, совсем не правы — ведь люди не хотят, чтобы их ели. Но если я захочу стать жертвой, кто меня остановит? Никто. Может, я хочу пострадать несправедливо. Тот, кто это мне запретит, будет несправедливей всех.

— Вы говорите не очень связно, — сказала Миллисент, — но я, кажется, понимаю. Надеюсь, вы не зонтик увидели, когда тонули?

— Что ж, по-вашему, — спросил он, — я увидел ангелочков с арфами из семейной Библии? Я увидел — то есть глазами увидел — Джекоба Нэдуэя во главе стола. Вероятно, это был банкет или совещание директоров. Все они, кажется, пили шампанское за его здоровье, а он серьезно улыбался и держал бокал с водой. Он ведь не пьет. О, Господи!

— Да, — сказала Миллисент, и улыбка медленно вернулась на ее

лицо. — Это непохоже на ангелочков с арфами.

— А я, — продолжал Алан, — болтался на воде, как обрывок водоросли, и должен был пойти ко дну.

К большому ее удивлению, он легкомысленно рассмеялся.

— Вы думаете, я им завидовал? — крикнул он. — Хорошенькое начало для веры! Нет, совсем не то. Я глянул вниз с гребня волны и увидел отца ясным и страшным взглядом жалости. И я взмолился, чтобы моя бесславная смерть спасла его из этого ада.

Люди спивались, мерли от голода и отчаяния в тюрьмах, богадельнях, сумасшедших домах, потому что его гнусное дело разорило тысячи во имя свое. Страшный грабеж, страшная власть, страшная победа. А страшнее всего было то, что я любил отца.

Он заботился обо мне, когда я был много моложе, а он — беднее и проще. Позже, подростком, я поклонялся его успеху. Яркие рекламы стали для меня тем, чем бывают для других детей книжки с картинками. Это была сказка; но увы! — в такую сказку долго верить нельзя. Так уж оно вышло: любил я сильно, а знал много. Надо любить, как я, и ненавидеть, как я, чтобы увидеть хоть отблеск того, что зовут верой и жертвой.

— Но ведь сейчас, — сказала Миллисент, — все стало гораздо лучше.

— Да, — сказал он, — все стало лучше, и это хуже всего.

Он помолчал, потом начал снова, проще и тише:

— Джек и Норман — хорошие ребята, очень хорошие. Они сделали все, что могли. Что ж они сделали? Они замазали зло. Многое надо забыть, не упоминать в разговоре — нужно считать, что все стало лучше, милосердней. В конце концов, это старая история. Но что тут общего с тем, что есть, с реальным миром? Никто не просил прощения. Никто не раскаялся. Никто ничего не искупил. И вот тогда, на гребне волны, я взмолился, чтобы мне дали покаяться

— ну, утонуть хотя бы... Неужели вы не поняли? Все были неправы, весь мир, а ложь моего отца красовалась как лавровый куст. Разве такое искупишь респектабельностью? Тут нужна жертва, нужна мука. Кто-то должен стать нестерпимо хорошим, чтобы уравновесить такое зло. Кто-то должен стать бесполезно хорошим, чтобы дрогнула чаша весов. Отец жесток — и приобрел уважение. Кто-то должен быть добрым и не получить ничего. Неужели и сейчас непонятно?

— Начинаю понимать, — сказала она. — Трудно поверить, что может быть такой человек, как вы.

— Тогда я поклялся, — сказал Алан, — что меня назовут всем, чем не назвали его. Меня назовут вором, потому что он вор. Меня оболуют

презрением, осудят, отправят в тюрьму. Я стану его преемником. Завершу его дело.

Последние слова он произнес так громко, что Миллисент, сидевшая тихо, как статуя, вздрогнула и рванулась к нему.

— Вы самый лучший, самый немыслимый человек на свете! — крикнула она. — Господи! Сделать такую глупость!

Он твердо и резко сжал ее руки и ответил:

— А вы — самая лучшая и немыслимая женщина. Вы остановили меня.

— Ужасно! — сказала она. — Страшно подумать, что ты излечила человека от такого прекрасного безумия. Может, все-таки я не права? Но ведь дальше идти было некуда, вы же сами видите!

Он серьезно кивнул, глядя в ее глаза, которые никто не назвал бы сейчас ни сонными, ни гордыми.

— Ну вот, теперь вы знаете все изнутри, — сказал он. — Сперва я стал Дедом Морозом — влезал в дом и оставлял подарки в шкафах или в сейфах. Мне было жаль старого Крэйла — ведь эта интеллектуальная идиотка не дает ему курить, — и я подбросил ему сигар. Правда, кажется, вышло только хуже. И вас я пожалел. Я пожалел бы всякого, кто нанялся в нашу семью.

Она засмеялась.

— И вы мне подбросили в утешение серебряную цепь с застежкой.

— На этот раз, — сказал он, — цепь сомкнулась и держит крепко.

— Она немножко поцарапала мою тетю, — сказала Миллисент. — И вообще причинила немало хлопот. А с этими бедными... Мне как-то кажется, что вы им тоже причинили немало неприятностей.

— У бедных всегда неприятности, — мрачно сказал он. — Они все, как говорится, на заметке. Помните, я вам рассказывал, что у нас не разрешают просить? Вот я и стал помогать им без спроса. Писал под чужим именем и помогал. А вообще вы правы — долго так тянуться не могло. Когда я это понял, я понял еще одно — о людях и об истории. Те, кто хочет исправить наш злой мир, искупить его грехи, не могут действовать как попало. Тут нужна дисциплина, нужно правило.

— Алан, — сказала она, — вы опять меня пугаете. Как будто вы сами из них: странный, одинокий...

Он понял и покачал головой.

— Нет, — сказал он. — Я разобрался и в себе. Многие ошибаются так в молодости. А на самом деле не все такие. Одни такие, другие нет. Вот и я не такой. Помните, как мы встретились и говорили о Чосере и о девизе:

«Amor vincit omnia».

И, не выпуская ее руки, глядя ей в глаза, он повторил слова Тезея о великом таинстве брака, просто, будто это не стихи, а продолжение беседы. Так я их и запишу, на горе комментаторам Чосера:

— «Великий Перводвигатель небесный, создав впервые цепь любви прелестной с высокой целью, с действием благим, причину знал и смысл делам своим: любви прелестной цепью он сковал твердь, воздух, и огонь, и моря вал, чтобы вовек не разошлись они»... ² Тут он быстро склонился к Миллисент, и она поняла, почему ей всегда казалось, что сад хранит тайну и ждет чуда.

Примечания

Нельсон Горацио (1758 — 1805) — английский адмирал, под руководством которого английский флот разбил франко-испанскую эскадру в битве у Трафальгарского мыса (1805).

Мэтью Арнольд (1827 — 1888) — английский поэт и критик.

Джон Рескин (1819 — 1900) — английский писатель, искусствовед, социолог и экономист, автор пятитомной работы «Современные художники». К сборнику стихотворений Рескина Честертон написал предисловие, вошедшее в сборник «Пригоршня писателей».

Сэшеверол Ситуэлл (1897 — 1964) — английский писатель, этнограф, литературный критик и поэт.

...фермуар, который носила аббатиса у Чосера. — Речь идет о персонаже «Кентерберийских рассказов» Чосера, представленном в прологе как «страж знатных послушниц и директриса». На ее золотом фермуаре был щит с короной и девиз «Amor vincit omnia», т. е. «любовь побеждает все». Латинское изречение в свою очередь взято из «Буколик» Вергилия, X эклога.

...дома его ждали не тельцы, а свиньи. — В притче о блудном сыне отец приказывает заколоть откормленного теленка. Лк., 15, 23.

Шопен или Мюссе. — Фредерик Шопен (1810 — 1849) — польский композитор и пианист; Альфред Мюссе (1810 — 1857) — французский поэт и драматург.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](http://Royallib.ru)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)

Примечания

1

Любовь побеждает все (лат.)

Перевод И. Кашкина.